

Валентина Осеева

Динка

прощается
с детством



АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
О 72

Оформление обложки Владимира Гусакова
Иллюстрации Адриана Ермолаева

ISBN 978-5-389-29554-4 (кн. 2)
ISBN 978-5-389-29552-0 (комплект)

© В. А. Осеева (наследник), 2025
© Адриан Ермолаев (наследники),
иллюстрации, 2025
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®



Глава 1

ПРИХОДЯТ И УХОДЯТ ПОЕЗДА!..

Сизый дымок вьётся над дачной станцией. Приходят и уходят поезда. Одни идут на Киев, другие из Киева... Тянутся длинные воинские эшелоны. В запылённые окна вагонов видны забинтованные головы, бескровные лица, туго стянутые монашеские косынки сестёр и свешивающиеся с верхних полок солдатские одеяла. На площадках и на ступеньках вагонов сидят молодые солдаты с забинтованными обрубками рук и ног; прыгая на костылях и теряя стоптанную туфлю, жадно выглядывает из дверей раненый и, поймав сочувственные взгляды женщин, ухарски машет рукой. Паровоз с коротким свистком дёргает вагоны, и эшелон медленно проплывает мимо, туда,

на Киев... А навстречу ему уже торопится другой длинный состав товарных вагонов. В распахнутых настежь дверях теплушек стриженные головы, безусые молодые лица, рассыпанные по щекам веснушки цвета спелой ржи, молодые васильковые, карие и черешневые, притуманившиеся глаза. Сыплются из солдатских карманов запасённые дома подсолнушки, ухает под тугими пальцами гармонь, и дружно из вагона в вагон подхватывается песня.

— Мене люды визьмутъ... тебе люды визьмутъ... Моя не будешь. Эх, жаль! Жаль!..

Исчезает вдаль паровоз. Глохнет под стук колёс песня. Долго смотрят вслед эшелону бабы с завязанными на затылках концами платков... Что делать? Война... Солдаты... Туда едут здоровые, многие ль вернутся хоть калеками... Не на гулянку едут хлопцы — на войну... Напал на родную землю германец, выставил проклятый кайзер Вильгельм закованную в железо армию, вот и поспешают они, молодые, наспех обученные новобранцы, чтобы сложить свои головы за веру, царя и Отечество... Эх, жаль... Жаль...

Война... А к маленькой станции, лязгая колёсами, расшатанные пассажирские вагончики подвозят дачников. Выгружаются на платформу чемоданы и картонки, звенят детские голоса, среди встречающих и провожающих молодые нарядные женщины, мамушки, нянюшки, старухи... Подлетают к станции экипажи, пролётки; сбруя на лошадях блестит под солнцем начищенными бляхами, на высоких облучках степенные кучера в бархатных безрукавках. Тянутся вдоль железнодорожных путей нарядные дачи с высокими шпилями на крышах. Из летних кухонь вьётся аппетитный дымок, на клумбах цветут розы... Не пустуют дачи: душно сейчас в городе, на зелёный корм, на широкий воздух рвутся люди... Прошла весна, уже давно похозяйничал в лесу ветер, помог он столет-

ним дубам развернуть длинные клейкие листочки. Давно раскудрявились беленькие, словно умытые зимним снежком берёзки, загустел орешник, вытянулись новые побеги тонкой рябинки, на жёлтых стволах сосен заблестели янтарные капельки смолы. А за лесом, за экономией пана Песковского, в глухой глуши словно пристыл к земле арсеньевский хутор — не шевельнёт закрытыми окнами, не потянет уютным дымком, не хлопает наглухо закрытыми дверьми, не перекликается весёлыми молодыми голосами...

* * *

Все эти годы, как только у девочек кончались экзамены, Арсеньевы переезжали на свой хутор. С первым весенним солнышком Динка начинала считать дни, оставшиеся до переезда. И каждый раз, обегая знакомые, дорогие ей местечки, удивлялась, как вырос и разросся сад, какая вкусная вода в холодном, обжигающем губы роднике, как ласково шумит ореховая аллея. Динка уверяла, что даже лягушки на пруду сразу узнают её и, раздуваясь от крика, всплывают наверх... Но не только для Динки, для всех Арсеньевых переезд на хутор был всегда радостным событием, к которому исподволь готовились всю зиму, мечтая о летнем отдыхе. И каждый раз осенью, переезжая в город на долгие зимние месяцы, они грустно расставались с полюбившимся им хуторком. Динка, вспоминая о нём в холодный, снежный вечер, жаловалась, что всё ещё слышит стук молотка, которым Лёня забивал окна и двери...

Арсеньевы никогда не держали сторожа. Затерянная в глуши между двумя сёлами хатка зимовала одна... Она стояла вдалеке от дороги, и только птицы, разгуливающие по саду, оставляли свои мелкие росчерки на загоро-

шенных снегом дорожках да столетние дубы сбрасывали на крышу рыхлые комья снега, прикопившегося на их ветках.

Зато уж ранней весной, когда из прелой чёрной земли выбивались первые зелёные ростки, а на склонах железнодорожной насыпи появлялись незатейливые жёлтые цветочки, хутор начинал оживляться наездами молодых хозяев.

Чаще всего это были Лёня и Вася; они приезжали сюда на воскресный день готовиться к экзаменам. Иногда с ними увязывалась Динка.

— Ну зачем она нам? — сердился Вася. — Земля ещё сырая, наберёт она полные галоши воды, да ещё и простудится!

— Динка не простудится, — убеждённо говорил Лёня. — Пусть побегает на воздухе!

— Но ведь мы же едем заниматься. Вечно ты что-то осложняешь, Леонид, — ворчал Вася.

Динка делала постное лицо и, прикрывая ладонью румяную щеку, начинала жалобно причитать:

— Воздуха вам для меня жалко, да? Всю зиму я не дышу, посинела уже вся, а вам жалко?

Лёня прыскал от смеха, Вася смягчался:

— Ну поезжай. Только смотри не лезь куда попало и не мешай нам заниматься!

На хуторе, обегав все дорожки, Динка успевала навестить Федорку, наломать мохнатой вербы, провалиться в пруд и, волоча за собой пальто, мокрая и грязная, просовывала свой нос в дверь, вызывая Лёню:

— Лёнь, Лёнь... Не бойся, Вася, я сейчас уйду... Я только на минутку!

Схватив Лёню за рукав, она тащила его за собой:

— Пойдём скорей! Понюхай, как пахнет земля. Смотри, уже листочки ландыша, а это будут фиалки... Вот при-

ложись ухом к земле... Послушай, что там только делается...

Лёня ложился на землю, нюхал, слушал и, глядя в сияющие глаза Динки, со всем соглашался.

А Вася, стоя на крыльце, качал головой.

— Ну, вы, двое сумасшедших, где теперь сушиться будете?

Сушиться и ночевать Динку отправляли на печку в Ефимову хату. Ефим и Марьяна Бессмертные за все эти годы близкого соседства крепко подружились с Арсеньевыми.

— Лучше родни они нам, — говорил Ефим.

Зимой он часто ездил в город, привозил деревенские новости и подолгу сидел за столом с Мариной, опрокинув на блюдце чашку и советуясь с ней обо всех делах. Перевозил на хутор тоже Ефим. Являлся он задолго до рассвета и, помахивая кнутом, торжественно говорил:

— Ну так что, поехали?

На хуторе были уже очищены дорожки, подрезаны кусты малины.

Марьяна, туго обвязав платком голову, загодя мазала стены, на полу стояли белые лужицы, гремели вёдра, настежь распахивались окна, со скрипом открывались отсыревшие за зиму двери; на дымящей кухонной плите булькала картошка. К приезду хозяев Марьяна выпекала свежий хлеб и встречала их на крыльце светленькой обновлённой хатки с хлебом-солью на вышитом рушнике. Весь первый день девочки вместе с Лёней и Васей занимались разборкой вещей, вешали занавески, наводили привычный уют.

Вечером все собирались на террасе за большим столом, с аппетитом ели горячую, пропахшую дымом картошку, запивая её молоком, и, опьянев от весеннего воздуха, едва добирались до своих постелей.

Хутор был в трёх верстах от дачной станции, Марине приходилось каждый день ездить в город на службу. Возила её всё та же одноглазая лошадь Прима, купленная в первое лето жизни на хуторе.

Бедная Прима в счастливую пору своей жизни была одной из лучших верховых лошадей. Она ходила под седлом грациозной поступью иноходца, и начищенная шерсть её блестела как зеркало, но с тех пор как однажды колючая ветка ели хлестнула её по глазам и один глаз почти совсем затянулся бельмом, Прима была выведена из конюшни и отправлена на чёрный двор.

К Арсеньевым она попала за небольшую плату, как уже мало на что пригодная лошадь. Но на хуторе Прима ожила. Она стала необходимым членом семьи. Динка не хуже заправского конюха ухаживала за ней: чистила её, купала, баловала, кормила овсом, и благодарная Прима, забывая про свой слепой глаз, снова почувствовала себя верховой лошастью.

Появился на хуторе и белый Динкин Нерон. Он был в большой дружбе с ефимовским Волчком. Обе собаки были мохнатые, пушистые и совершенно неизвестной породы. Но Динку это никогда не смущало.

— Дворянги ещё умнее, — уверяла она.

И лошадь и собака зимовали у Ефима, но с появлением Арсеньевых они с восторгом возвращались на хутор, чтобы служить своим хозяевам.

Так незаметно бежали дни. Дождливую осень сменяла снежная зима, потом наступала весна и солнечное лето.

А годы шли... Под окнами берёзки подросли,
Не раз к земле их буря пригибала...

И много событий произошло в семье Арсеньевых, с тех пор как озорная, весёлая Динка в первый раз появилась

на хуторе. События эти были нерадостными. Первым большим горем для всей семьи была смерть дедушки Никича. Особенно тяжело пережила её Динка. Незащищённое сердце её ещё не могло и не умело мириться со своими потерями.

Когда Никич умирал, Динке всё казалось, что смерть не придёт за ним, если она, Динка, будет его сторожить... Она перестала спать по ночам и, встав с постели, тихо брела по тёмному коридору на свет ночника. В комнате Никича всегда горела печка, дверцы её были открыты, поленья уютно потрескивали. Никич, обложенный подушками, полулежал в своём любимом «Сашинном» кресле. Сухонькая фигурка его, закутанная в одеяло, казалась совсем детской; седая голова на тонкой, исхудавшей шее покоилась на подушке. Никич никому не позволял дежурить около него ночью; на столике рядом с креслом всегда стояло приготовленное ему на ночь питьё и порошки от кашля. Казалось, все в доме спали, но стоило только старику закашлять, как из спальни неслышно появлялась Марина. Лёня давно уже отвоевал себе право ставить свою раскладушку в комнате Никича, Мышка оставляла на столике звонкий школьный колокольчик и брала с Никича слово звонить, если ему что-нибудь понадобится. Старика утешала и расстраивала забота домашних, особенно трогала его Динка.

— Ну, чего бродишь, полуночница? — тихо спрашивал он, завидев при свете ночника жалкую фигурку в длинной ночной рубашке. — От смерти, что ли, уберечь меня хочешь?

Динка дрожащими руками обвивала худые плечи старика, прижималась щекой к его щеке:

— Уберечь хочу...

— Ох и глупая ты... Как только жить будешь?

— Вместе будем... — всхлипывала Динка.

— Да где же нам вместе? Я своё отжил, до самого края дошёл. Вишь, ноги уже не держат. А тебе ещё жить и жить...

— Не надо мне, ничего не надо. У меня сердце разрывается... — уткнувшись в его плечо, плакала Динка.

Никич с усилием поднимал её голову.

— А ты послушай меня. Мы ведь столько с тобой разговоров переговорили. Вот ещё какая махонькая ты была, а понимала меня. И теперь пойми... От смерти никуда не денешься. За себя мне не страшно, за вас страшно. Мать твою мне жалко. И ты не плачь, не тревожь её. Смирись, девочка.

Никич замолкал. Пламя от печки, разливая по комнате таинственный свет, мягко колебалось, как будто кто-то тихо взмахивал лёгким и прозрачным шарфом, бросая на стены то синие, то красные тени. От этих неслышных взмахов свет в ночнике дрожал и колебался, вытягиваясь длинным красным язычком. Казалось, вот-вот он вытянется в последний раз, мигнёт и погаснет. Никич тяжело дышал, в груди его что-то хрипело, рука, гладившая Динкины волосы, бессильно падала на колени.

— Иди... Помни, что я тебя просил...

Динка молча кивала головой, слова застревали у неё в горле, ноги не слушались.

— Ну, ну... — ободряюще улыбался ей Никич. — Ты ведь папина дочка.

Один раз, задержав её руку, Никич сказал:

— Запомни слова мои. Всякий человек в жизни должен быть стойким. А тебе это особо надо. Ты ведь во всё суёшься. Вот и вспоминай почаще: Никич, мол, велел мне быть вдвое стойкой...

Слова Никича навсегда остались в памяти Динки. В самые трудные минуты своей жизни она вспоминала их с грустью и благодарностью. Но не успела ещё осиро-

тевшая семья оправиться от потери старого друга, как пришла новая беда. Однажды под осень, когда Арсеньевы уже собирались переезжать в город и сидели на террасе среди сложенных вещей, на хуторе появился редкий гость — Кулеша. Он появился, как всегда, неожиданно, словно вырос перед глазами. И все сразу замерли в предчувствии беды. Одна Марина не растерялась.

— Что-нибудь случилось, Кулеша? — спросила она.

Кулеша снял шапку, вытер вспотевший лоб.

— В этот раз я плохой вестник, — сказал он.

Мышка, словно защищаясь, подняла руку, Динка вскочила, у Алины упало сердце. «Отец...» — с ужасом подумал Лёня и стал рядом с матерью. Но она только спросила:

— Он жив? Говорите сразу.

— Ну что вы, что вы... — замахал руками Кулеша, и мать с улыбкой оглянулась на детей.

Никогда не забудут дети эту строгую улыбку на белом и холодном, как снег, лице матери.

— Он арестован, — сказал Кулеша и стал рассказывать, а Марина слушала его, задавая короткие вопросы, и, глядя на мать, никто из девочек не проронил ни одной слезы.

* * *

Судили Арсеньева в Самаре. В этом городе, ещё молодым инспектором элеватора, он был душой и организатором бастующих рабочих, здесь его бесстрашный и гневный голос поднимал их на борьбу с самодержавием.

В день суда огромные толпы народа загрохотали улицами... К Марине, приехавшей на суд с Лёней, из толпы рабочих вышел старый элеваторский рабочий Федотыч.

— Не бойся ничего, Арсеньевна... Рабочий класс не выдаст... Нас много, — сказал Федотыч.

Марина молча пожала ему руку.

Она ждала всего самого худшего... Но молчаливая угрожающая толпа рабочих, тесно окружившая здание суда, сделала своё дело... Правительство не решилось вынести смертный приговор; Арсеньев был присуждён к десяти годам одиночного заключения с последующей пожизненной ссылкой...

Марина вернулась измученная, но не упавшая духом, такая же, какой всегда знали её дети.

— Не плачьте, — сказала она. — Революция откроет все тюрьмы!

Прошла первая тяжёлая зима. Арсеньев отбывал заключение в Самаре. Знакомый Марине старый надзиратель тюрьмы тайком передавал Арсеньеву с воли записки, книги... Товарищи носили передачи... Отец писал ласковые, успокаивающие письма...

Жизнь постепенно вошла в свою колею, но Арсеньевых ждало ещё одно семейное горе...

Окончив гимназию, как-то неожиданно заневестилась и вышла замуж Алина... Муж её никому не нравился, в семье Арсеньевых он казался чужим, пришлым человеком, но ни слёзы сестёр, ни уговоры матери не подействовали на Алину, и сразу после свадьбы она уехала с мужем на Дальний Восток, в чужую ей семью. И, только прощаясь со своими уже на перроне, Алина вдруг испугалась предстоящей разлуки и, бросившись к матери, горько заплакала.

— Алина, голубка моя!.. Ещё не поздно, вернёмся домой... — уговаривала дочь Марина.

— Домой, домой! Алиночка, роденькая, пойдём домой!.. — цепляясь за сестру, умоляла Динка.

Мышка молча плакала, роняя слёзы на свадебный букет. Лёня бросился в вагон за Алининым чемоданом... Муж Алины, стоя на подножке, задержал его.

— Я не понимаю, что здесь происходит? — холодно сказал он и, подойдя к Алине, взял её за руку.

Алина вытерла слёзы и пошла в вагон. Поезд отошёл. Осиротевшая семья долго стояла на перроне, глядя на исчезающие вдали красные огоньки. И снова кое-как наладилась жизнь, только за столом опустело место старшей сестры да на светлом лице Марины прибавилась новая глубокая морщинка. Жить становилось трудно. Фирма «Реддавей», где служила Марина, после ареста мужа уволила её. Мышка, окончив семь классов гимназии, пошла на краткосрочные курсы сестёр; Лёня поступил в университет и целый день бегал по урокам; Динка училась. Ей не удалось сдержать своё обещание учиться только на пятёрки. Она получала пятёрки только по тем предметам, которые любила, а любила она, по её собственному выражению, «больше всего на свете» уроки словесности и своего учителя словесности.

— Василий Иннокентьевич уважает чужие мысли, — важно говорила она дома. — Он никогда меня не одёргивает... И вообще... — Динка обводила взглядом своих домашних и многозначительно добавляла: — Василий Иннокентьевич знает, кого нужно ругать, а кого хвалить.

О себе она, конечно, думала, что её нужно хвалить и тогда она «горы своротит». Учитель словесности читал вслух её сочинения и ставил ей красным карандашом жирные пятёрки. Динка очень гордилась похвалой любимого учителя, но, стараясь не показать этого дома, придя из гимназии, словно мимоходом говорила:

— Василий Иннокентьевич опять читал в классе моё сочинение, и что ему там понравилось, не знаю...

Зато уж по другим предметам, по математике и особенно по алгебре, Динка даже с помощью Лёни с трудом добывала четвёрки, а иногда, скатываясь до тройки, сердито говорила:

— И кто это придумал так крутить человеку мозги... Ну ещё геометрия туда-сюда... Там хоть теоремы, их каждый дурак может наизусть запомнить. Ну, физика ещё ничего, там опыты интересные, а уж алгебра — это прямо издевательство!

Шёл второй год войны. После рождественских каникул ушёл на фронт Вася. В семье прибавилось новое беспокойство, Динка выбегала на улицу и подолгу стояла у ворот в ожидании почтальона. Писем ждали теперь не только от отца и Алины, ждали с нетерпением серых солдатских треугольников от Васи...

Письма читали сообща, тревожно вслушиваясь в короткие, ласковые строчки, пытаясь проникнуть в то, что сознательно или бессознательно скрывалось под этими успокаивающими строчками... Во всех письмах, часто против воли писавшего, слышалась тоска по семье, по близким людям и привычному уюту.

Всю зиму Марина рвалась в Самару навестить мужа. Устроиться на службу она так и не смогла: нигде не принимали жену политического «преступника», отбывающего наказание в тюрьме. Бесплодные поиски места и тревога за мужа подорвали силы Марины, поддерживала её только тесная связь с «Арсеналом», где она часто проводила собрания и вела кружок, обучая рабочих грамоте. Через отца Андрея Коринского Марина близко познакомилась с новыми товарищами, работающими в «Арсенале», печатала дома прокламации и с помощью Лёни широко распространяла их на фабриках, заводах и в казармах между солдатами. Уехать было нелегко, но всё же

весной, перед самыми Динкиными экзаменами, Марина уехала в Самару. Лёня, по рекомендации Марины, также пользовался доверием старших товарищей и нередко получал от них тайные поручения. Чаще всего это были поездки для установления связи с рабочими и железнодорожниками ближайших городов. В этот раз после отъезда Марины Лёню послали к гомельским железнодорожникам. Дом опустел. Мышка уже работала в госпитале и часто оставалась на ночное дежурство.

Но Динка не скучала, у неё была одна мечта: выдержать с честью переводные экзамены в восьмой класс и уехать на хутор!

Бросив на стол целую кучу приготовленных заранее билетов, Динка вытаскивала по одному билету и, зажав пальцами уши, зубрила или, поглядев на часы, бежала вниз по лестнице звать на помощь своего давнего приятеля Андрея. Андрей, окончив училище, по желанию своего отца работал в «Арсенале». Но Динка не давала ему времени даже на обед.

— Ну что ты себе думаешь? Не идёшь и не идёшь! Ведь я же могу провалиться из-за тебя! — сердито обрушивалась она с выговором на запоздавшего приятеля.

— Так я же работаю... — слабо оправдывался Хохолок, собирая разбросанные по столу билеты.

— Вызывай меня! — командовала Динка.

Выдержав последний экзамен и почувствовав себя восьмиклассницей, Динка забросила в угол все учебники и стала собираться на хутор.

— Ну что мы там будем делать одни? Мамы нет, Лёни нет. Подождём хоть Лёню, — уговаривала её Мышка.

— Нет, нет! Я никого не буду ждать! Уже столько хороших дней пропало! Пошли открытку Ефиму, и начнём складываться!

Динка уверяла, что уже давно-давно, как только началась весна, ей каждую ночь чудятся паровозные гудки и маленькая дачная станция...

— Я слышу, как приходят и уходят поезда, — с тоской повторяла она.

Мышка вызвала Ефима.

* * *

Приходят и уходят поезда... А в экономии пана Песковского ждёт не дожётся свою городскую подружку дочка сторожа, голубоглазая Федорка.

— Мамо, — говорит она, — чого ж так долго нема Динки? Я сбегая до дядьки Ефима, спытаю, когда он за вещами поедет.

— Да ты ж бегала, доню, не одного разу уже бегала! Не можно так надоедать людям! Никуда она не денется, твоя Динка, нема чого таку панику бить! — сердито двигая в печи ухватом, выговаривает дочке Татьяна.

Но Федорка решительно срывает с шестка платок.

— Вам усё паника, мамо... А я Динку с самой осени не бачила...

— Не бачила и не померла, слава Господу. Подруга — не мать! Як бы ты за родной маткою так скучала...

— А чого мени за вами скучать, как вы у меня каждый день перед глазами, — дерзко отвечает Федорка, идя к двери.

— Ось я тобі покажу — перед глазами!.. — выскакивая на крыльцо, кричит мать. — Федора! Вернись зараз! Ох ты ж языкатая девка! Вернись, кажу!..

Но крепкая, приземистая фигурка уже скрылась в кустах. Федорка бежит узенькой тропкой за огородами, мигнет экономии и, выскочив на пригорок, где круто сбегает вниз белая глинистая дорога с выщербленными ко-

леями, смотрит на верхушки вековых дубов, где чуть виднеется крыша Динкиной хаты.

— Нема... — качает головой Федорка и, повязав потуже концы платка, степенно сворачивает на дорогу, ведущую к хате Ефима и Марьяны Бессмертных.

Маленькая белая хатка живёт хлопотливой хозяйственной жизнью. По двору бродят три курицы с красным петухом, около тына мычит привязанная корова. Навстречу Федорке выскакивают два лохматых пса. Чёрный — хозяйский Волчок, и белый — любимец Динки Нерон.

— Нерончик, Нерончик... — лаская белого пса, приговаривает Федорка, проходя в хату.

За столом, покрытым чистой домотканой скатертью, сидит Ефим и со вкусом ест из глиняной миски зелёный борщ.

— Ну здравствуй, Федорка! — усмехаясь в усы, говорит он, поддерживая ложку краюхой хлеба. — Сядай за стол, гостей будешь!

— О! Федорка! Зачем прискакала? — весело откликается, гремя подошником, Марьяна и, склонив голову набок, смеётся. — За подружкой скучаешь?

— Скучаю, — смущённо улыбается Федорка и, присаживаясь на скамейку, испытующе смотрит на остриженные в кружок тёмные кудри Ефима с тонкими серебряными ниточками, на загорелый лоб с белой полоской от шапки и на опущенные вниз лукавые голубые глаза.

— Ну, что ж ты молчишь, Ефим? — с живым любопытством спрашивает мужа Марьяна.

— А що мени казать? — притворяясь непонимающим, зачем прибежала Федорка, равнодушно говорит Ефим.

— А вы, дядько Ефим, щё не едете в город? — робко спрашивает Федорка.

— В город? — почёсывая в затылке, переспрашивает Ефим. — А что мне там делать, в городе?

Марьяна, подперев рукой щеку, тихонько посмеивается.

— А по вещи по Арсеньевых вы не едете? — с волнением повторяет Федорка.

Ефим зачерпывает полную ложку борща и не спеша несёт её ко рту.

— Ни, — односложно отвечает он, но Марьяна, всплеснув руками, хохочет:

— От вредный! Ну и вредный же ты, Ефим! Чого дивчинку дразнишь?

— Дядечко Ефим... — сложив руки, умоляюще шепчет Федорка.

— А вот бери ложку и хлебай борщ, тогда я тебе и скажу, чи еду, чи не еду! — смеётся Ефим.

— Да едет он, едет... Вон уже и овёс для Примы насыпал... К ночи там будет, а утром вещи погрузит и обратно... Только кто тут будет жить? — качает головой Марьяна.

— А Динка? — пугается Федорка.

— Ну, Динка — это уж беспреренно, — говорит Ефим, подвигая к Федорке миску. — Динка да Мышка, а больше и жить тут пока некому. Вася на фронте, Лёню куда-то по делам послали, а сама к мужу поехала у Самару — это город такой, на Волге стоит...

— А чего ж она поехала? — аккуратно черпая ложкой борщ, спрашивает Федорка.

— Ну, это ихнее дело... Нас оно не касемо... Ну а подружку завтра встречай! — поднимаясь из-за стола, говорит Ефим.

— Ой боже мой! Чого ж она так долго не ехала? — всплёскивает руками Федорка.

— А чего долго? В восьмой класс переходила, это тебе не в ляльки играть... Ученье, для его тоже время надо... — обстоятельно объясняет Ефим, сгребая с лавки приготовленную одежду. — Эй, Марьянка, живо дои корову! Я по-

Осеева В.

О 72 Динка прощается с детством : повесть / Валентина Осеева. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2025. — 416 с. : ил.

ISBN 978-5-389-29554-4 (кн. 2)

ISBN 978-5-389-29552-0 (комплект)

«Динка прощается с детством» — это проникновенная повесть Валентины Осеевой, продолжение дилогии о семье Арсеньевых. Главная героиня — всё та же искренняя и характерная Динка, но уже подросток. Пятнадцатилетняя гимназистка приезжает на лето на дачу — не на Волгу, а на хуторок под Киевом. Семья Арсеньевых переживает трудные времена: отец осуждён на десять лет тюрьмы, мать лишилась работы; Василия, жениха средней сестры, забрали на Первую мировую войну; старшая сестра Алина, выйдя замуж, уехала в Сибирь. Забот у повзрослевшей Динки прибавилось, и хоть есть в её жизни редкие всполохи радости, но ничто не даётся легко, и даже за личное счастье ей придётся побороться. Перед девушкой встанёт трудный выбор: два дорогих её сердцу человека, друзья детства — Андрей и Лёня — признаются ей в любви.

Во многом автобиографическая книга Валентины Осеевой повествует о смелости, необходимой для принятия важных решений, об удаче, без которой не найти родственную душу, и таком непростом женском счастье...

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Литературно-художественное издание / Әдеби-көркем басылым
Для среднего школьного возраста / Орта мектеп жасына арналған

Валентина Осеева

ДИНКА ПРОЩАЕТСЯ С ДЕТСТВОМ

Руководитель проекта Анастасия Бутина
Ответственный редактор Мария Носкова
Художественный редактор Владимир Гусаков
Технический редактор Валентин Бердник
Компьютерная вёрстка Валентины Дик
Корректор Лариса Ершова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 11.08.2025.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 25,42. Заказ №

Дата изготовления / Өндірілген күні 16.09.2025.

Срок службы (годности): не ограничен. / Қызмет (жарамдылық) мерзімі: шектелмеген.
Условия хранения: в сухом помещении. / Сақтау шарттары: құрғақ үй-жайда.

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19,
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55,	Тел. (812) 327-04-55,
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Товар соответствует требованиям ТР ТС 007/2011

«О безопасности продукции, предназначенной для детей и подростков».

Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)
Тауар КО ТР 007/2011 «Балалар мен жасөспірімдерге арналған өнімдердің
қауіпсіздігі туралы» талаптарына сәйкес келеді.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А
www.pareto-print.ru



C-DBK-38672-01-R

12+